

Круглосуточно тихая и мирная Первая императорская больница вмиг превратилась в балаган.

Врачи, охрана... и трясущийся старый главврач — все в ужасе, словно во время осады живых мертвецов, бросились к дверям палаты интенсивной терапии.

Ни у кого и в мыслях не возникло: с чего бы двум людям, находящимся в реанимации, убивать друг друга?

Выдернуть кислородную трубку?

Кислородные трубки устарели еще несколько десятков лет назад! Сейчас все пользуются безопасными кислородными чипами, не имеющими побочных эффектов, о которых даже не стоит беспокоиться — неблагодарный сынок их точно не выдернет!

Внутри палаты реанимации Сунь Фэнчжи, задав вопрос, опустил взгляд, скрывая холодное выражение глаз.

Он не чувствовал в собственной железе феромонов других альф, но поведение этого альфы и только что вошедшего военного заставляли его сохранять бдительность.

Лу Яньшэн издал удивленное «а», закрыл глаза и прислушался к ощущениям в собственной железе — там одиноко и тревожно метался лишь густой запах бренди. Это была присущая альфам от рождения агрессивность, тоска по успокоению, которого не мог дать омега.

— Нет... — он поник, но, заметив, как Сунь Фэнчжи словно бы с облегчением выдохнул, напрягся, выпрямил спину и выпалил: — Если ты не хочешь меня метить, я не против!

Движение Сунь Фэнчжи, уже собравшегося отдернуть руку, внезапно замерло.

Альф с такими мыслями... он видел впервые.

Стоявший рядом Лу Яньшэн среагировал куда быстрее. Боевые инстинкты, выработанные за годы противостояния зергам, заставили его почти мгновенно вскочить и перейти в наступление.

Альфа обязан следить за эффективностью блокаторов в период уязвимости, но если по тем или иным причинам блокатор переставал действовать, то что бы ни сотворил альфа в период уязвимости, его поступок расценивался бы со смягчающими обстоятельствами.

В лучах теплого солнца пара одинаково красивых, созданных друг для друга молодых людей ао-типа стояла, глядя друг другу в глаза и нежно держась за руки.

— Эй, старина Лу, — не упустил случая позлорадствовать он, — не пялься только на того, кто спереди. У тебя за спиной вообще-то еще один есть.

Старый главврач нахмурился и тут же распорядился, чтобы врачи принесли сильный блокатор: — Генерал-майор Е, у нас есть мощные средства, которые ничуть не уступают военным блокаторам...

Он знал, что не отличается мягким характером.

Иначе с чего бы нам, встречаясь Бог знает сколько времени, до сих пор не иметь даже временной метки... Тьфу!

Мысленно добавил он еще фразу, обиженную и вместе с тем исполненную сладостного смирения.

Никому не хочется, чтобы высший альфа из военных академий считал его захватчиком.

Лу Яньшэн сощурил глаза, его тон был серьезным и даже нес в себе успокаивающие нотки: — Тебе не нужно испытывать психологическое давление. Мы наверняка обсуждали это раньше, иначе я бы не ляпнул так не задумываясь.

— Я уже приказал подчиненным запросить специальное оружие, понадобится всего пять минут, — тут же произнес он, вздохнул и сочувственно посмотрел на него.

— Что ты творишь?! — Лу Яньшэн перешел в нападение, первым обвинив противника, и рывкнул. Исходившая от него аура свирепости, закаленная в крови, мгновенно хлынула наружу, и стоявшая неподалеку молодая медсестра с менее крепкими нервами прямо-таки осела на подкосившихся ногах.

Молодой военный в форме, только что вбежавший в дверь, — Е Чумин мысленно выругался. Он хотел было броситься вперед, но его вновь отбросило назад невидимым давлением Лу Яньшэна. Лихорадочно соображая, он вдруг притянул к себе старого главврача, с суровым лицом, словно отдавая приказы перед решающим сражением.

Впрочем, подумал он, Лу Яньшэна это вряд ли волнует.

— Надеюсь, с этим бета всё в порядке.

— У нас есть врачи-беты! — возразил главврач и, заметив, как Е Чумин покачал головой, добавил: — Тогда омега? Омеги такие мягкие!

В следующее мгновение парень в деловом костюме был опрокинут на пол: Лу Яньшэн одной

рукой заломил ему руки за спину.

Е Чумин горько усмехнулся: — Тем более не подойдет... По правде говоря, я даже очень опасаюсь за жизнь того молодого парня, который только что ринулся туда, хоть он и бета.

Если бы Лу Яньшэн действительно пустил в ход кулаки, то даже без статуса маршала защитников у него нашлось бы немало.

Старый главврач первым, трясаясь всем телом, протиснулся внутрь и поспешно заговорил:

— Нельзя драться! Нельзя драть... а?

Какое там просто побить! Желающих отправить его на тот свет наберется более чем достаточно.

— ...Понятно. — Сунь Фэнчжи на мгновение замолчал и дал уклончивый ответ.

— Он? — Е Чумин холодно усмехнулся. — Он не входит в зону ответственности Военного министерства.

Оба синхронно обернулись. Главврач видел плохо, но догадался, что во взглядах этих двоих наверняка читалась одна лишь жгучая обида.

Е Чумин покачал головой: — Бесполезно, никто из нас вообще не смеет к нему приближаться.

Старый главврач попытался что-то возразить, но стоявший рядом молодой врач дернул его за подол, призывая к молчанию.

— Господин главврач, наш маршал сейчас в периоде уязвимости. Вы же знаете, стоит высшим альфам в этот период потерять контроль, и последствия... Пациентов-то эвакуировать можно, но я боюсь, что столько сложнейшего оборудования в больнице пострадает!

Шеф? Сунь Фэнчжи на мгновение растерялся.

— Отпустите нашего шефа!

Тем более что бить предстояло Сунь Фэнчжи — человека, у которого в Исполнительном Юане практически не было реальной поддержки, который держал под контролем Центральную инспекцию исключительно методами жесткого давления и превратился в тот самый Дамоклов меч, что висел над головой каждого.

— Бах!

Та самая обида парочки, которой помешали уединиться!

Старый главврач остановился, уже было собираясь принять строгий вид и заодно устроить врачам медосмотр, как вдруг почувствовал, как какая-то фигура пронеслась мимо него.

— Если дойдет до такого, то переломанные руки и ноги покажутся сущим пустяком.

Молодой человек в деловом костюме, который у дверей вел ожесточенную схватку с рослым воякой, пулей ринулся вперед.

Главврач посмотрел на омегу, тихо сидевшего на больничной койке рядом с Лу Яньшэном — казалось, еще секунда, и он просто растает и исчезнет: — А он...

Разъяренный в периоде уязвимости альфа инстинктивно отторгает приближение чужих альф к своей территории: слабые от ужаса впадают в эмоциональный ступор, а если противник силен, то бедняга-чужак рискует оказаться в роли незваного гостя.

С виду мягкое обращение... словно с умалишённым. Впрочем, к омегам это тоже относилось.

Дверь реанимации резко распахнулась! Створка с грохотом ударилась о стену, издав звук, совершенно несовместимый с висевшей на стене табличкой «Соблюдайте тишину».

Е Чумин, будто внезапно о чем-то вспомнив, приподнял бровь и громко крикнул в сторону источавшего опасную ауру Лу Яньшэна.

Он заметил, что атмосфера между ними из-за его внезапной тревоги стала какой-то натянутой, и ему стоило бы сказать что-нибудь сглаживающее углы, но в голову ничего не шло.

Это он мне?..

Лу Яньшэн услышал его голос, почти остановил руку, готовую обрушить на бету всю силу гнева, и медленно обернулся.

Сунь Фэнчжи смотрел на него холодным, задумчивым взглядом.

Он слегка хмурился, словно ему было нездоровится.

Лу Яньшэн машинально разжал руки, удерживавшие бету за спиной.

В следующую секунду Сунь Фэнчжи заговорил: — Ты... не делай резких движений.

Голос его звучал тихо, он подбирал слова, и холодные звуки словно перекатывались на нерешительных губах, сикорясь хоть капелькой тепла.

Сунь Фэнчжи смутно расслышал слова старого главврача о том, что для улаживания ситуации требуется мягкий омега. Он на секунду озадачился, долго думал и выдал лишь такую неполную фразу.

Произнеся это, он, казалось, остался недоволен, перенял обращение того военного и окликнул:

— Не двигайся, старина Лу.

Воздух вокруг замер.

Больница внезапно обрела подходящую ей тишину. Только те слова, казалось, отразившись эхом, грохотали в голове у каждого.

Ввалившийся на пол парень в деловом костюме не испытывал ни малейшей радости от чудесного спасения.

[Ст-старина... Лу?..]

— Ему казалось, что он сошел с ума.

— Кхм-м-нх... —

Кто-то не выдержал и выдавил из себя сдавленный стон, полный терпения и подавления — такой звук издаешь, когда ворочаешься в одиночестве под одеялом среди ночи.

Этому человеку быстро зажали рот.

Обстановка по-прежнему оставалась неловко-тихой — казалось, лишь двое главных участников сего действия не чувствовали никакой неловкости.

Сунь Фэнчжи встретился взглядом с Лу Яньшэнем. Он увидел, что свирепость периода уязвимости в тех глазах полностью рассеялась, и прекрасные золотисто-янтарные глаза смотрели на него с таким восторгом.

Какая послушка.

Он подсознательно попытался успокоить его: — Я вовсе не собирался на тебя сер...

— Я виноват!!

Лу Яньшэн вмиг вытянулся по струнке, и его голос, полный искреннего раскаяния, заглушил извинения Сунь Фэнчжи. Он напоминал старательного ученика, без запинки зубрящего выговор, и вся его фигура излучала... противоречие.

Противоречие, манящее окружающих испытать судьбу и подойти поближе.

В одну секунду свирепый зверь выпускает когти, а в следующую — кротко обращается к тебе. И уже не разобрать, то ли это мнимая агрессия травоядного, притворяющегося хищником, то ли хищник укрылся под слоем мягкого пуха.

Сунь Фэнчжи мгновенно забрал назад слова с упреком о том, что впредь нужно не забывать колоть блокаторы.

— Сходи на осмотр, — произнес он и, вспомнив о его якобы опасном периоде уязвимости, постарался добавить как можно мягче: — ...Старина Лу.

Главврач ухватился за возможность и тут же двинулся вперед в сопровождении врачей. Лу Яньшэна наполовину добровольно, наполовину силой увлекли обратно на койку.

— Дзынь!

Когда военные приволокли спецсредство — крупнокалиберную винтовку со специальными пазанами, — они обнаружили, что задание уровня опасности ССС уже выполнено другими.

Слова болезненного омеги прозвучали для них громом среди ясного неба, да так оглушительно, что винтовки попадали у них из рук.

[Ст-старина Лу...?!]

Пальцы ног в армейских ботинках судорожно сжались.

Кризис разрешился сам собой.

Под ошеломленными взглядами всех присутствующих высшего альфу в разгар буйства периода уязвимости так запросто утихомирили одной фразой.

При этом омега даже не выпустил феромонов.

Алло? Генерал-майор Е? И это вы называли ситуацией, где люди гибнут?

Е Чумин, которого начальство сорвало внезапно среди отпуска и на которого коллеги теперь зыркали волком, был не в силах оправдаться.

Переглянувшись, сослуживцы не смели приблизиться к Лу Яньшэну — то ли успокоенному, то ли нет.

Стоило подойти... как старые боевые раны начинали ныть.

Кто ж такое выдержит?

— Генерал-майор Е, может, вы возьмете огонь на себя? — с натянутой улыбкой предложил один из офицеров.

Е Чумин: — ...Спасите.

В отличие от царившей здесь нерешительности, у первой койки парень в деловом костюме, которого секунду назад смахнули с ног как назойливого захватчика, резво вскочил, отряхнул костюм и почти мгновенно погрузился в состояние предельной рабочей собранности.

Словно только что всплывшим горячим бетой был вовсе не он.

— Шеф, это доказательства по делу, которые вы просили меня упорядочить вчера перед уходом. Вот этот анализ Феник переделал по вашему указанию, а это...

Обретя хладнокровие, бета демонстрировал потрясающую эффективность: спустя пять минут доклад был завершен.

Сунь Фэнчжи: — ...

Сунь Фэнчжи слегка затылком почувствовал легкую головную боль — физиологическую.

Судя по одежде, тону и служебным обязанностям, он пришел к выводу, что этот молодой человек — его личный секретарь, а его самого называют шефом...

Единственное ведомство во всей Империи, где использовали обращение шеф, — это Центральная инспекция, чья тень вечно скрывалась за бурями политической власти.

Центральная инспекция, главный исполнительный директор.

Сунь Фэнчжи едва заметно нахмурился.

Как вышло, что он через десять лет работает в Инспекции?

Хотя большая часть воспоминаний стерлась, Сунь Фэнчжи чутко уловил: каждое дело, о котором докладывал секретарь, имело огромный вес.

Но десять лет назад у Центральной инспекции явно не было таких полномочий.

— Оставь документы, я просмотрю их позже сам, — бросил Сунь Фэнчжи, и его тон естественным образом остыл, словно это не он секунду назад звал кого-то стариной Лу.

— Слушаюсь, шеф. — Секретарь положил бумаги на тумбочку и извлек из стопки виртуальный лист бумаги: — Шеф, а это письмо с соболезнованиями от Его Высочества Первого наследного принца, отправленное с планеты Далунь.

Сунь Фэнчжи приложил руку к виску и слегка прикрыл глаза: — Зачитай самое главное.

Только что спокойный и рассудительный секретарь вдруг невероятно воодушевился.

Он громко продекламировал: — Его Высочество наследный принц пишет: Дорогой, послезавтра я возвращаюсь на Столичную Звезду, не окажешь ли ты мне честь отвлечься хоть на минуту от бесконечной работы? Жду тебя в нашем любимом месте! Волнистая черта! Смайлик-розочка! Смайлик-сердечко! Смайлик-обнимашки!!

Как всем было известно, наследный принц Империи, Его Высочество Эзерел, являлся альфой.

И в сознании восьмилетнего Сунь Фэнчжи это имя принадлежало еще одному человеку.

Студенту третьего курса кафедры боевых исследований и командования Первого военного университета Столицы.

Талантливому командиру, три года подряд удерживавшему первое место на соревнованиях по виртуальному тактическому командованию, чей боевой опыт уже вошел в учебники, — его будущему старшекурснику.

— И одному из тех людей, с кем Сунь Фэнчжи больше всего хотел сразиться после поступления.

— Но... — Сунь Фэнчжи машинально начал говорить, но тут озадаченно замолк.

Но с чего бы этому старшекурснику называть его дорогим?

У второй койки врач, хлопотавший над осмотром Лу Яньшэна, почти физически ощутил, как сдерживаемая блокатором ярость альфы на мгновение всколыхнулась, замер на секунду и мысленно протянул: «Ого».

В густой тишине реанимации Лу Яньшэн медленно, с затаенной обидой перевел на него взгляд.

Голова у Сунь Фэнчжи заболела еще сильнее.

— Послушай меня... —

— Я думаю... —

Они заговорили одновременно и так же синхронно замолкли, словно аэрокары на оживленном перекрестке, вежливо уступающие друг другу дорогу.

— Сначала я, — неожиданно жестко произнес Лу Яньшэн, в этот миг превратившись в ревностного защитника каждой пяди земли, чей острый меч направлен на чужака.

У Сунь Фэнчжи уже пропало всякое желание изображать мягкость: он отчаянно пытался вспомнить, что же за история связывает его с этим наследным принцем Эзерелом, но в памяти не всплывало ни единого намека. Превозмогая головную боль, он небрежно взмахнул рукой, разрешая продолжать.

— У него болит голова, сходи проверь, не нужно ли добавить обезболивающего, — сначала велел Лу Яньшэн врачу, а затем немного подумал и добавил: — Не переживай, какими бы ни были наши отношения, я приму любой исход.

Сунь Фэнчжи: — ...?

Господин Лу со столь странными вкусами, скажите, вам не приходило в голову, что законы Империи этого не одобряют?

Возможно, подействовало лекарство врача, но, глядя на Лу Яньшэна, он почувствовал, как тяжесть в голове постепенно отступает, словно кто-то снял с него ношу, и ему вдруг захотелось улыбнуться.

Совсем чуть-чуть.

Потому что в нескольких метрах от него господин Лу, балансирующий на грани нарушения закона, все еще сидел на больничной койке, словно перед лицом смертельной опасности.

— Послушай меня, малыш, — сурово произнес тот. — Он тебя вовсе не любит.

— Он даже не заботится о твоём здоровье, не то что я.

— Я буду беречь тебя!

<http://bllate.org/book/18660/1799079>